

БИЛИНГВА

слушаем, читаем,
понимаем

Джек Лондон
«Любовь к жизни»
и другие рассказы

Jack London
"Love of Life"
and Other Stories

МОСКВА
2017

УДК 811.111(075.4)
ББК 81.2Англ-9
Л 76

Перевод с англ. *Н. Л. Емельяниковой, Т. М. Литвиновой,
Т. А. Озерской, В. М. Топер, Н. Л. Дарузес*

Составление словаря, упражнений и комментариев *Е. В. Карпенко*

Иллюстрации *Е. В. Пуляевой*

Дизайн обложки *Ю. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Тимофеевой*

Л 76 **Лондон, Джек.**

«Любовь к жизни» и другие рассказы : [парал. текст на англ. и рус. яз. : учебное пособие] / Джек Лондон ; [пер. с англ. Н. Л. Емельяниковой, Т. М. Литвиновой, Т. А. Озерской, В. М. Топер, Н. Л. Дарузес ; словарь, упражнения, комментарии Е. В. Карпенко ; ил. Е. В. Пуляевой]. – Москва : Эксмо, 2017. – 272 с. + CD. – (Билингва. Слушаем, читаем, понимаем).

Предлагаемый комплект из книги и аудиодиска даст вам возможность познакомиться с лучшими рассказами классика американской литературы Джека Лондона на языке оригинала, а затем проверить свое понимание текста, прочитав или прослушав перевод произведений на русский язык. Читая и слушая текст на английском языке, сравнивая его с переводом на русский, вы улучшите свои навыки чтения, а также сможете повысить уровень восприятия иностранной речи на слух. Для углубления знаний английского и облегчения понимания текста предлагаются упражнения и словарь.

Книга будет интересна и полезна старшим школьникам, абитуриентам, студентам, преподавателям, а также всем, кто изучает английский язык самостоятельно.

УДК 811.111(075.4)
ББК 81.2Англ-9

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Учебное издание

БИЛИНГВА. СЛУШАЕМ, ЧИТАЕМ, ПОНИМАЕМ

Джек Лондон

«ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ»

и другие рассказы

(орыс тілінде)

Ответственный редактор *Н. Уварова*. Редактор *Е. Выюницкая*

Художественный редактор *Ю. Щербаков*. Компьютерная верстка *С. Марченко*

Корректор *Н. Станибула*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Tauar belgisi: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша

ағзас-талатпады қабилдаушылық

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС. Алматы қ., Дембровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251 59 89, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат: [сайтта: www.eksmo.ru/certification](http://www.eksmo.ru/certification)

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 11.11.2016. Формат 60x90^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0.

Доп. тираж 2500 экз. Заказ

ISBN 978-5-699-71008-9

9 785699 710089 >

ISBN 978-5-699-71008-9

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Contents

WHICH MAKE MEN REMEMBER Встреча, которую трудно забыть (пер. с англ. Н. Емельяниковой)	4
THE WIFE OF A KING Жена короля (пер. с англ. Т. Литвиновой)	32
TOO MUCH GOLD Золотое дно (пер. с англ. Т. Литвиновой)	78
THAT SPOT Меченый (пер. с англ. Т. Озерской)	126
TO BUILD A FIRE Костер (пер. с англ. В. Топер)	154
LOVE OF LIFE Любовь к жизни (пер. с англ. Н. Дарузес)	196
Комментарии	248
Activities	249
English-Russian Vocabulary	262

Which Make Men Remember

Встреча, которую трудно забыть

Fortune La Pearle crushed his way through the snow, sobbing, straining, cursing his luck, Alaska, Nome, the cards, and the man who had felt his knife. The hot blood was freezing on his hands, and *the scene yet bright in his eyes*, — the man, clutching the table and sinking slowly to the floor; the rolling counters and the scattered deck; the swift shiver throughout the room, and the pause; the game-keepers no longer calling, and the clatter of the chips dying away; the startled faces; the infinite instant of silence; and then the great blood-roar and the tide of vengeance which lapped his heels and *turned the town mad behind him*.

“All hell’s broke loose,” he sneered, turning aside in the darkness and heading for the beach. Lights were flashing from open doors, and tent, cabin, and dance-hall let slip their denizens upon the chase. The clamour of men and howling of dogs smote his ears and quickened his feet. He ran on and on. The sounds grew dim, and the pursuit dissipated itself in vain rage and aimless groping. But a flitting shadow clung to him. *Head thrust over shoulder*, he caught glimpses of it, now taking vague shape on an open expanse of snow, how merging into the

Счастливчик Ла Перл бежал по снегу, всхлипывая, задыхаясь и проклиная свою судьбу, Аляску, Ном, карты и человека, которого он только что прикончил ударом ножа. Горячая кровь уже застыла у него на пальцах, а *перед глазами все еще стояла страшная картина*: уцепившийся за край стола и медленно оседающий на пол человек, раскатившиеся во все стороны фишки, разбросанные карты, охватившая всех присутствующих дрожь, запнувшиеся на полуслове банкометы, замерший звон монет, испуганные лица, бесконечное мгновение общего молчания, а затем — страшный, леденящий душу рев — призыв к мести, который заставил его бежать и *поднял на ноги разъяренный город*.

«Все черти из преисподней сорвались с цепей!» — усмехнулся он, ныряя в непроглядную тьму и держа путь к берегу. Из распахнутых дверей вырывался свет, люди выбегали из палаток, хижин и танцевальных залов и устремлялись в погоню за преступником. Крики людей и лай собак терзали его слух и заставляли ускорить бег. Он мчался все дальше и дальше. Шум за спиной постепенно слабел, а ярость погони сменилась озлоблением на тщетность и бесцельность поисков. Только чья-то легкая тень бесшумно и неотступно следовала за ним. *Оглядываясь*, он видел эту тень, которая то вытягивалась расплывчатым силуэтом на укутанном

deeper shadows of some darkened cabin or beach-listed craft.

Fortune La Pearle swore like a woman, weakly, with the hint of tears *that comes of exhaustion*, and plunged deeper into the maze of heaped ice, tents, and prospect holes. He stumbled over taut hawsers and piles of dunnage, tripped on crazy guy-ropes and insanely planted pegs, and fell again and again upon frozen dumps and mounds of hoarded driftwood. At times, when he deemed he had drawn clear, his head dizzy with the painful pounding of his heart and the suffocating intake of his breath, he slackened down; and ever the shadow leaped out of the gloom and *forced him on in heart-breaking flight*. A swift intuition lashed upon him, leaving in its trail the cold chill of superstition. The persistence of the shadow he invested with his gambler's symbolism. Silent, inexorable, not to be shaken off, he took it as the fate which waited at the last turn when chips were cashed in and gains and losses counted up. Fortune La Pearle believed in those rare, illuminating moments, when the intelligence flung from its time and space, to rise naked through eternity and read the facts of life from the open book of chance. That this was such a moment he had no doubt; and when he turned inland and sped across the snow-covered tundra he was not startled because the shadow took upon it greater definiteness and drew in closer. Oppressed with his own impotence, he halted in the midst of the white waste and whirled about. His right hand slipped from its mitten, and a revolver, at level, glistened in the pale light of the stars.

“Don't shoot. I haven't a gun.”

белой пеленой снега открытом пространстве, то растворялась в более густых тенях, отбрасываемых какой-нибудь хижинной или вытащенной на берег лодкой.

Счастличик Ла Перл глухо выругался, но как женщина, с дрожью в голосе, *выдававшей крайнюю усталость*, и нырнул еще глубже в лабиринт ледяных глыб, палаток и старательских шурфов. Он налетал на какие-то туго натянутые веревки и груды снаряжения, спотыкался о бессмысленно расставленные ограждения и нелепо вколоченные кольца, то и дело падая на обледенелые отвалы и штабеля сплавного леса. Голова у него кружилась, сердце болезненно трепетало в груди, дыхания не хватало, и временами ему казалось, что он сумел уйти от погони. Тогда он замедлял бег, но из мрака вновь появлялась та же тень и *заставляла его мчаться дальше с нечеловеческой скоростью*. Внезапно быстрая мысль обожгла его мозг, оставив за собой холодок суеверия. Ему, игроку, настойчивость тени показалась дурным знаком. Безгласная, неумолимая, неотвратимая, она представилась ему воплощением рока, который ждет последнего круга, чтобы подытожить все выигрыши и проигрыши. Счастличик Ла Перл верил в те редкие минуты озарения, когда разум, вырвавшись за пределы времени и пространства, свободный, возвышается над вечностью и читает свое будущее в открытой книге Случая. Он не сомневался, что именно такое мгновение наступило сейчас, поэтому, когда он повернул прочь от побережья и побежал по заснеженному перелеску, его не испугало то, что тень приблизилась и приняла более четкие очертания. Подавленный собственным бессилием, он остановился на белой поляне и круто обернулся. Правая рука его выскользнула из рукавицы, и в бледном свете звезд засверкал револьвер.

— Не стреляйте. У меня нет оружия.

The shadow had assumed tangible shape, and at the sound of its human voice a trepidation affected Fortune La Pearle's knees, and his stomach was stricken with the qualms of sudden relief.

Perhaps *things fell out differently* because Uri Bram had no gun that night when he sat on the hard benches of the El Dorado and saw murder done. To that fact also might be attributed the trip on the Long Trail which he took subsequently with a most unlikely comrade. *But be it as it may*, he repeated a second time, "Don't shoot. Can't you see I haven't a gun?"

"Then what the flaming hell did you take after me for?" demanded the gambler, lowering his revolver.

Uri Bram shrugged his shoulders. "It don't matter much, anyhow. I want you to come with me."

"Where?"

"To my shack, over on the edge of the camp."

But Fortune La Pearle drove the heel of his moccasin into the snow and attested by his various deities to the madness of Uri Bram.

"Who are you," he perorated, "and what am I, that I should put my neck into the rope at your bidding?"

"I am Uri Bram," the other said simply, "and my shack is over there on the edge of camp. I don't know who you

Тень превратилась в живого человека. При звуке человеческого голоса колени Счастливи́чика Ла Перла задрожали, и он почувствовал под ложечкой приступ облегчения.

Возможно, *все произошло бы по-другому*, если бы у Эри Брэма в тот вечер, когда он сидел в «Эльдорадо» и видел, как произошло убийство, был бы при себе револьвер. Этим же обстоятельством объясняется и то, что ему пришлось впоследствии совершить длительное путешествие по Большой Тропе в обществе совсем неподходящего товарища. *Но так или иначе*, он был вынужден повторить:

— Не стреляйте. Вы же видите, у меня нет оружия.

— Тогда какого черта вы гонитесь за мной? — спросил игрок, опуская револьвер.

Эри Брэм пожал плечами.

— Это не имеет значения. Я хочу, чтобы вы пошли со мной.

— Куда?

— В мою лачугу на краю лагеря.

Но Счастливи́чик Ла Перл не двинулся с места и, призвав в свидетели всех богов, лишь посмеялся над безумием Эри Брэма.

— Кто вы такой? — наконец спросил он. — За кого вы меня принимаете? Думаете, я сам полезу в петлю?

— Меня зовут Эри Брэм, — просто ответил второй, — а моя лачуга вот там, на краю лагеря. Я не знаю, кто вы,

are, but you've thrust the soul from a living man's body, — there's the blood red on your sleeve, — and, like a second Cain, the hand of all mankind is against you, and there is no place you may lay your head. Now, I have a shack —”

“For the love of your mother, hold your say, man,” interrupted Fortune La Pearle, “or I'll make you a second Abel for the joy of it. *So help me, I will!* With a thousand men to lay me by the heels, looking high and low, what do I want with your shack? I want to get out of here — away! away! away! Cursed swine! I've half a mind to go back and run amuck, and settle for a few of them, the pigs! One gorgeous, glorious fight, and end the whole damn business! It's a skin game, that's what life is, and I'm sick of it!”

He stopped, appalled, crushed by his great desolation, and Uri Bram seized the moment. *He was not given to speech*, this man, and that which followed was the longest in his life, save one long afterward in another place.

“That's why I told you about my shack. I can stow you there so they'll never find you, *and I've got grub in plenty*. Elsewise you can't get away. No dogs, no nothing, the sea closed, St Michael the nearest post, runners to carry the news before you, the same over the portage to Anvik — not a chance in the world for you! Now wait with me till it blows over. They'll forget all about you in a month or less, what of stampeding to York and what not, and you can hit the trail under their noses and they won't bother. I've got my own ideas of justice. When I ran after you, out of the El Dorado and along the beach, it wasn't to catch you or

но вы вытрясли душу из живого тела — у вас на рукаве до сих пор кровь. На вас, словно на второго Каина, ополчился род человеческий, и вам негде преклонить голову. У меня же есть лачуга...

— Если вам дорога ваша собственная жизнь, замолчите, — перебил его Счастливец Ла Перл, — иначе я для полноты картины сделаю из вас второго Авеля. *Я сделаю это, клянусь вам!* Ваша лачуга меня не спасет, за мной гонятся тысячи людей, они рыщут повсюду! Прочь бы отсюда уйти, убежать! Грязные свиньи! Так и хочется повернуть обратно и прикончить парочку-другую, будь они прокляты! Одна жаркая, живая схватка, и я покончу с этим делом! Жизнь — грязная игра, и мне она осточертела!

Он испуганно замолчал, осознав все свое одиночество, и Эри Брэм поспешил воспользоваться минутой слабости. *Этот человек не отличался особым красноречием*, и речь, которую он повел, была самой длинной в его жизни, если не считать той, какую он произнес много позже и в другом месте.

— Именно поэтому я и сказал вам про свою лачугу. Я могу спрятать вас так, что никому и в голову не придет искать там, *а еды у меня сколько угодно*. Иначе вам не уйти. Собак у вас нет, снаряжения — тоже, море замерзло, ближайший форт — Сент-Майкл, и весть о вас дойдет туда и через перевал, в Анвик, раньше, чем вы сами доберетесь. У вас нет ни единого шанса на спасение! Переждите, пока уляжется буря. Через месяц, а то и меньше про вас и не вспомнят: они будут заняты возвращением в Йорк и разными другими делами. Вы удерете из-под самого их носа, и никто не заметит этого. У меня свои представления о справедливости. Я последовал за вами

give you up. My ideas are my own, and *that's not one of them.*"

He ceased as the murderer drew a prayer-book from his pocket. With the aurora borealis glimmering yellow in the northeast, heads bared to the frost and naked hands grasping the sacred book, Fortune La Pearle swore him to the words he had spoken — an oath which Uri Bram never intended breaking, and never broke.

At the door of the shack the gambler hesitated for an instant, marvelling at the strangeness of this man who had befriended him, and doubting. But by the candlelight he found the cabin comfortable and without occupants, and he was quickly rolling a cigarette while the other man made coffee. His muscles relaxed in the warmth and he lay back with half-assumed indolence, intently studying Uri's face through the curling wisps of smoke. It was a powerful face, but its strength was of that peculiar sort which stands girt in and unrelated. The seams were deep-graven, more like scars, while the stern features were in no way softened by hints of sympathy or humour. Under prominent bushy brows the eyes shone cold and gray. The cheekbones, high and forbidding, were undermined by deep hollows. The chin and jaw displayed a steadiness of purpose which the narrow forehead advertised as single, and, if needs be, pitiless. Everything was harsh, the nose, the lips, the voice, the lines about the mouth. It was the face of one who communed much with himself, unused to seeking counsel from the world; the face of one who wrestled oft of nights with angels, and rose to face the day with shut lips that no man might know. He was narrow but deep; and Fortune, his own

из «Эльдорадо» сюда совсем не для того, чтобы поймать вас или отдать на растерзание толпе. У меня свои представления, и *они не имеют ничего общего с их намерениями.*

Он замолчал, увидев, что убийца вытащил из кармана молитвенник. При желтоватом мерцании северного сияния, разлившегося в северо-восточной стороне неба, Счастливчик Ла Перл заставил Эри Брэма обнажить голову и, положив руки на священную книгу, поклясться в правдивости своих слов. Эту клятву Эри Брэм не нарушался нарушить и не нарушил.

У дверей лачуги игрок на мгновение замедлил шаг, удивляясь странному поведению человека, вдруг пожелавшего спасти его, и все еще сомневаясь в нем. При тусклом свете свечи он успел заметить, что в лачуге довольно уютно и никого посторонних нет. И пока хозяин готовил кофе, он быстро свернул себе сигарету. Тепло расслабило его мускулы, и он, приняв небрежный вид, откинулся на спинку стула и стал внимательно изучать лицо Эри сквозь затейливые кольца дыма. Это было лицо человека сильного, но умеющего быть сдержанным и не проявлять свою силу по пустякам. Глубокие морщины напоминали скорее шрамы, а в суровых чертах его не было даже намек на добросердечие или покладистость. Из-под кустистых бровей холодно сверкали серые глаза. Над впалыми щеками уродливо нависали высокие скулы. Подбородок свидетельствовал о слепом упрямстве, а узкий лоб — о том, что в случае необходимости обладатель его бывал и безжалостен. Голос и все черты его физиономии — нос, губы и линии морщин на лбу — были довольно грубыми. Это было лицо человека, который привык жить в одиночестве, не прислушиваясь к чужому мнению и ни у кого не ища поддержки, человека, которому по

humanity broad and shallow, *could make nothing of him*. Did Uri sing when merry and sigh when sad, he could have understood; but as it was, the cryptic features were undecipherable; he could not measure the soul they concealed.

“Lend a hand, Mister Man,” Uri ordered when the cups had been emptied. “We’ve got to fix up for visitors.”

Fortune purred his name for the other’s benefit, and assisted understandingly. The bunk was built against a side and end of the cabin. It was a rude affair, the bottom being composed of drift-wood logs overlaid with moss. At the foot the rough ends of these timbers projected in an uneven row. From the side next the wall Uri ripped back the moss and removed three of the logs. The jagged ends he sawed off and replaced so that the projecting row remained unbroken.

Fortune carried in sacks of flour from the cache and piled them on the floor beneath the aperture. On these Uri laid a pair of long sea-bags, and over all spread several thicknesses of moss and blankets. Upon this Fortune could lie, with the sleeping furs stretching over him from one side of the bunk to the other, and all men could look upon it and declare it empty.

In the weeks which followed, several domiciliary visits were paid, not a shack or tent in Nome escaping, but Fortune lay in his cranny undisturbed. In fact, little attention was given to Uri Bram’s cabin; for it was the last place

ночам приходилось бороться с одолевавшими его мыслями, но по утрам он вставал с таким видом, что никто не мог догадаться об этих мыслях. Он был человеком ограниченным, но целеустремленным, и Счастливчик — натура широкая, но легкомысленная — *не был в состоянии разобратся в нем*. Если бы Эри пел, когда ему было весело, или вздыхал, когда грустно, Счастливчик мог бы еще понять его, расшифровать его загадочные черты и распознать душу, что скрывалась за ними.

— Помогите-ка мне, мистер, — приказал Эри, когда с кофе было покончено. — Нужно подготовиться на случай появления непрошенных гостей.

Счастливчик назвал хозяину свое имя и умело взялся за дело. Топчан Эри располагался у стены в дальнем конце лачуги. Это было довольно примитивное сооружение из бревен, поверх которых был настлан мох. В ногах торчали неровные концы этих бревен. С той стороны, которая прилегала к стене, Эри снял мох и вытащил три бревна. Концы их он отпилил и снова положил на место так, чтобы край оставался неровным.

Счастливчик принес из кладовой несколько мешков муки и сложил их на пол у стены, под топчаном. Эти мешки Эри застелил двумя длинными корабельными мешками, а сверху — мохом в несколько слоев и одеялами. На них и должен был покоиться Счастливчик, укрытый с головы до ног шкурами, и никому и в голову бы не пришло, что под топчаном кто-то есть.

В течение нескольких недель власти производили тщательные обыски, которые не миновали ни единой хижины, ни единой палатки в Номе, но Счастливчик остался цел и невредим в своем потайном убежище. По правде